

Р. М. Ханинова

«Свой» – «другой»: пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике

В статье рассматривается пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике в аспекте «свой» – «другой». Для калмыцких поэтов восприятие А. С. Пушкина как «своего», родного, близкого человека и как гения обусловлено в первую очередь сочувственным отношением поэта к калмыкам, нашедшим отражение в его творчестве разных лет, в его формулах «друг степей калмык», «любезная калмычка». Стихи-посвящения Пушкину, публицистика, мемуаристика, переводческая деятельность характерны для поэтов старших поколений. В современной калмыцкой русскоязычной лирике пушкинская тема представлена значительно уже по сравнению с калмыцкой лирикой. Парадигма «свой» в отношении классика русской литературы смещается в сторону парадигмы «другой». Частотность произведений, адресованных А. С. Пушкину, снизилась, локальность их тематики ориентирована на прочтение тех или иных хрестоматийных пушкинских текстов, избранных страниц его биографии. Пушкин страдающий, Пушкин родной, Пушкин талантливый, Пушкин игривый – некоторые грани этого образа в стихах-откликах и эссе современных калмыцких поэтов.

Ключевые слова: Пушкин, калмыцкая пушкиниана, «друг степей калмык», «любезная калмычка».

Для цитирования: Ханинова Р. М. «Свой» – «другой»: пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 80–95. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_80. EDN: TBYIKI

Благодарности: исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283>.

Пушкинская тема в калмыцкой литературе XX – начала XXI вв. занимает особое место, связанное, прежде всего, с пушкинским дискурсом о калмыках в его поэзии и прозе: «Из письма к Я. Н. Толстому» («Желай мне здравия, калмык!», 1820), «Калмычке» (1829), «Путешествие в Арзрум» (1829–1935), «История Пугачевского бунта» (1833–1834), «Капитанская дочка» (1836), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» («Памятник» (1836) и др. В этом плане Пушкин-писатель стал

своим для калмыцких писателей, обратившихся в разножанровых произведениях к его личности и творчеству, – в стихах, рассказах, публицистике, мемуаристике, переводах. Пушкину адресован ряд коллективных сборников, начиная с 1937 г.: литературно-художественный альманах «Өслт» («Рост», 1937), посвященный 100-летию со дня смерти поэта, с калмыцкими переводами его произведений; «Теегин иньг, танд» («Вам, друг степей», 1974) со стихами калмыцких поэтов; «Мендим дурд, хальмг» («Желай мне здравия, калмык», 1989); «А. С. Пушкин в сердце калмыка» (1999); «Пушкинэ мөңкрсн нерн» («Пушкин на все времена», 2019) к 220-летию со дня его рождения¹.

Отдельное направление – переводы пушкинских текстов на калмыцкий язык, начиная с 1899 г., причем некоторые из них неоднократно переводились разными калмыцкими поэтами, например, тот же «Памятник» – Кару Манджиевым², Хасыром Сян-Белгиным³ и Михаилом Хониновым⁴.

Калмыцкую тему в пушкинском творчестве рассматривают литературоведы из Калмыкии: А. И. Суржок [15], Б. А. Кичикова [3–10], В. З. Церенов [19], Р. М. Ханинова [16–18]. Так, одной из первых к этой теме целенаправленно обратилась А. И. Суржок в статьях и в монографии «Пушкин и калмыки», выдержавшей несколько переизданий, в которых рассмотрен ряд пушкинских произведений. Особенностью исследования А. И. Суржок является то, что она изучила и пушкинскую тему в калмыцкой лирике XX в., правда, на основе русских переводов стихотворений калмыцких поэтов старших поколений. Ряд статей Б. А. Кичиковой характеризуется преимущественным вниманием к калмыцкой теме в творчестве А. С. Пушкина в аспекте творческой истории произведений, историко-литературного комментария, текстологии. В научно-популярной работе В. З. Церенова обобщены биографические факты, связанные с калмыцкой темой в пушкинском творчестве, с переводческой деятельностью калмыцких писателей в этом направлении. В статьях Р. М. Ханиновой прослежена традиция пушкинского послания калмычке в со-

¹ См.: Мендим дурд, хальмг = Желай мне здравия, калмык. Элст, 1989; Пушкинэ мөңкрсн нерн = Пушкин на все времена: калмыцкая пушкиниана: литературно-художественное издание: к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина / сост. Г. Ш. Сармашева, Г. Н. Эльбикова. Элиста, 2019. 813 с.

² Пушкин А. С. Бумб // Өслт. Элст, 1937. X. 13–14.

³ Пушкин А. С. Бумб // Сян-Белгин Х. Живртэ баһчуд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1962. X. 61.

⁴ Мендим дурд, хальмг = Желай мне здравия, калмык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 116–117.

временной русской лирике, представлены стихи-посвящения некоторых калмыцких поэтов, рассказано об их участии в пушкинских праздниках поэзии.

Пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике не была объектом и предметом исследования, чем обусловлены актуальность и новизна данной статьи. Цель исследования – рассмотреть указанную тему в аспекте «свой» – «другой». Среди задач – выявление произведений современных калмыцких русскоязычных поэтов на заявленную тему, их сравнительно-сопоставительный анализ на уровне поэтики текста, рассмотрение авторских интенций в ракурсе восприятия личности и творчества А. С. Пушкина.

Материалы и методы

Понятие Другой рассматривается в современном литературоведении в разных аспектах взаимоотношения Я – Другой [см.: 1–2]. «Именно парадигма “свой – чужой – другой”, являющаяся одной из наиболее обсуждаемых моделей анализа в современном социогуманитарном знании, представляет собой способ социокультурной классификации, который может быть применен к миру людей и разных его направлений» [14, с. 52].

В статье анализируются художественные произведения современных калмыцких русскоязычных поэтов (стихи, эссе, сказка) в парадигме «свой» – «другой» через восприятие авторами личности и творчества А. С. Пушкина. Парадигма «свой» – «другой» по отношению к Пушкину исключает категорию «чужой». «Понятие другой ассоциируется прежде всего с другим человеком, другим Я (другим субъектом), хотя, как показал опыт философии XX в., вполне реальна и проблема “Я как Другой”. В таком контексте именно понятия чужой и другой представляют семантические полюса по отношению к “Я”: другой как просто иной по отношению ко мне, а чужой – как враждебный по отношению ко мне» [12, с. 235–236].

Материалами для статьи стали тексты профессиональных писателей, членов Союза писателей России и Союза российских писателей. В основном это стихи разных лет, написанные по разным случаям, не всегда привязанные к пушкинским датам. Если для старшего поколения калмыцких писателей, создававших свою пушкиниану на родном языке, характерно

особенное внимание к калмыцкой теме в творчестве русского гения, диалог с ней, то для большинства современных калмыцких русскоязычных поэтов она не является определяющей в их понимании Пушкина-человека и Пушкина-писателя. В этом плане Пушкин для этих авторов не «свой», а «другой». А его знаковые для старшего поколения калмыцких писателей емкие формулы («друг степей калмык», «любезная калмычка») обычно воспринимаются этими современными поэтами как аксиомы, не требующие обсуждения или полемики.

Пушкин для них – спутник на жизненном пути, биографический подход позволяет соотносить события жизни авторов с событиями пушкинских произведений, которые находят отклик в их стихах и эссе. Сравнительно-сопоставительный метод выявляет разные образы русского гения и его литературных героев в лирике калмыцких русскоязычных поэтов, проецируя интерпретацию пушкинских смыслов. Характерно, что среди авторов нет представителей молодого поколения. Нет и переводов пушкинских произведений на калмыцкий язык из-за его незнания, что также сужает поле деятельности среди таких поэтов.

Результаты

Тематический диапазон пушкинской темы в калмыцкой лирике XX – начала XXI вв.: обращение к жизни великого русского поэта; посещение поэтом калмыцких степей в 1836 г., дуэль и смерть в 1837 г.; диалог с калмыцкой темой в его творчестве: послание «Калмычке», «друг степей калмык» в «Памятнике», калмыцкая сказка в романе «Капитанская дочка»; размышления о назначении поэта и поэзии, поэт и свобода, поэт и судьба, судьба России, посещение пушкинских мест, участие в Пушкинских праздниках поэзии.

В современной калмыцкой русскоязычной лирике пушкинская тема представлена значительно уже по сравнению с калмыцкой лирикой. Парадигма «свой» в отношении классика русской литературы, на наш взгляд, сместилась в сторону парадигмы «другой». Во-первых, частотность произведений, адресованных А. С. Пушкину, снизилась. Во-вторых, она локально ориентирована на экфрасис – рукотворный памятник поэту (Валентина Лиджиева), сибирские воспоминания (Цебек Адучиев), на дуэль и ее последствия (стихи Виктора

Коксадаева). Эссе Татьяны Бадаковой «Мой Пушкин» (2024) сразу позиционирует восприятие Пушкина как «своего», что нашло отражение как в названии, так и в содержании. Более всего диалог с Пушкиным представлен в лирике Риммы Ханиновой. Этот диалог строится на основе обращения к ряду пушкинских текстов: «Путешествие в Арзрум», «Калмычке», «Моцарт и Сальери», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и др. Некоторые из таких ее произведений переведены на английский язык и вошли в сборники разных лет: «Взлететь над мира суетой» (1994), «День влюбленных» (1997); Поэзия Калмыкии 2009; Dzomba: Kalmyk tea (2015)¹.

В стихотворении Валентины Лиджиевой (г. р. 1959) «Свидание с Пушкиным» (1999) встреча происходит у памятника Пушкину в Москве, где в свое время она училась в Литературном институте им. А. М. Горького. «Пушкинский снег и зима. / Пушкин грустит в тишине... / Может, схожу я с ума? / Может, это во сне?»². В первой строке первой строфы словосочетание «пушкинский снег и зима» семантически многозначно: это отсылка к пушкинской теме зимы, к дуэли Пушкина зимой 1937 года. Экфрасис в стихотворении – бронзовый памятник А. С. Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина, установленный в 1880 году в начале Тверского бульвара на Страстной (ныне Пушкинской) площади. Артефакт оживлен: «Пушкин грустит в тишине», – здесь наделение скульптуры в ее позе (склоненная голова) определенным настроением, созвучным настроению автора стихотворения. Следующие две строки относятся уже не к памятнику и не к Пушкину, а к собственным чувствам: «Может, схожу я с ума? / Может, это во сне?» Переживания лирической героини обусловлены предвкушением свидания с любимым человеком, о чем повествует вторая строфа: «Сердце от радости тает, / Губы нежны и сухи». Но свидание с ним не состоялось, поэтому: «Долго и жадно глотаю / Слезы, снежинки, стихи...». Стихи, о которых идет речь в последней строке, не обозначены в принадлежности кому-либо. Можно прочесть в контексте как собственные

¹ См.: Khaninova R. "It's often said there's no disputing taste..." Translated by Carlton Copeland // Dzomba: Kalmyk tea. Ossining, NY: Aelita Press. 2015. P. 75; Khaninova R. Pushkin texts. Translated by Nikolai and Gail Burlakoff // Dzomba: Kalmyk tea. Ossining, NY: Aelita Press. 2015. Pp. 79–80.

² Лиджиева В. Свидание с Пушкиным // Теегин герл = Свет в степи. 1999. № 4. С. 72. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

стихи о любви, как пушкинские стихи о любви, как зарождающиеся строки не написанного еще авторского стихотворения о своей безответной любви. Ср. в другом стихотворении В. Лиджиевой «Мой любимый Тверской бульвар...» (2009), написанном через десять лет, в котором тема встречи с бульваром – это воспоминание о юности, о студенчестве, о свидании, о безответной любви: «Я лечу на свиданье с тобой, <...> Мы заснуть не могли до утра, / от любви безответной страдаю, <...> Завтра ветер холодный дунет – / И растает мой сон тотчас. / И потухнет в душе пожар, / И свидание не состоится»¹. Характерно, что в этом стихотворении-воспоминании о юности нет упоминания памятника Пушкину в Москве несмотря на то, что в тексте присутствуют «начинающие поэты», которые на Тверском бульваре «друг другу стихи читали», чьи «молодые сердца и умы / устремлялись к добру и свету». Для знающих читателей этот артефакт скрывается в контексте локуса города. У памятника Пушкину, как известно, назначали свои свидания влюбленные. В двух стихотворениях В. Лиджиевой Пушкин предстает как свой только в первом из них, во втором – он не свой, не другой, не чужой, его вообще там нет, и это показатель мироощущения автора в той ситуации. Если в раннем стихотворении хронотоп относится к зиме, то во втором – к осени («Ты все так же шумишь листвою... <...> Завтра ветер холодный дунет...»). Это осень и в душе лирической героини, и в душе автора.

Ретроспекция в стихотворении Цебека Манджиевича Адучиева (1937–2022) переносит читателя в таежную Сибирь, куда шестилетним ребенком попал автор вместе с семьей в период сталинских репрессий (1943–1957). Вспоминая о тех тринадцати годах ссылки, он обратился к пушкинской сказке о рыбаке и рыбке, исполнявшей желания его старухи. Название «Про сказку о золотой рыбке» (2002) прочитывается в контексте пушкинского сочинения и пожилого уже возраста калмыцкого поэта, мысленно возвращающегося в свое детство. В своих воспоминаниях «Вблизи рассвета» (2019) Ц. Адучиев рассказал о своем сибирском периоде жизни, и это можно проследить по его стихотворению о золотой рыбке. Возвращаясь к сво-

¹ Лиджиева В. «Мой любимый Тверской бульвар...» // Теегин герл = Свет в степи. 2009. № 4. С. 102. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

ему мироощущению тех лет, поэт рассказал о том, что если бы он поймал тогда золотую рыбку, то он не просил бы у нее ни дворянского звания, ни хором с недремлющим оком охраны. «Не о них я мечтой уносился / в этот вечностный мир ожиданий, / замерзая в снегах Сибири»¹. Интересно, что перечень просьб старика рыбке в ответ на требование старухи у мальчика подвергается перестановке, и начало – новое корыто – возникает не сразу, поскольку: «И корыта тогда я не помнил: / мать в ведерке своём стирала / дырчатые наши обноски». Ср. в воспоминаниях упоминается потрепанный пиджак с плеча старшего брата, застиранная рубашка². О чем просил бы мальчик золотую рыбку? «А просил, чтоб она нас вернула / на порог нашей старой избушки / и чтоб ждали меня вечерами / мой отец, как старик, с моей мамой, / не по возрасту ставшей старушкой». Мотивы родного дома и возвращения в родной край связаны с родителями, оставшимися навеки в чужой земле. Сравнение родителей со стариками – это не только артикуляция пушкинского текста, но и свидетельство тяжелой бесправной жизни ссыльных калмыков, рано постаревших. Неожиданной выглядит заключительная просьба мальчика: «вдохнуть / горьковатый дымок листопада / на осенней земле огородной». Наконец, он обращается к рыбке с вопросом, сможет ли она выполнить его просьбу, подкрепляя доводом: «ведь по сказке ты очень шустра / и людей хорошо понимаешь?» (курсив здесь и далее наш, кроме оговоренных случаев. – Р. Х.). Так сравниваются требования вздорной старухи и просьба ссыльного мальчика. В другом варианте стихотворения характеристика повелительницы морского царства изменена: «ведь по сказке ты очень добра / и людей хорошо понимаешь»³. Эта замена акцентирует внимание на том, что в окружающем мире не хватает доброты и справедливости. В первом варианте после этого вопроса следуют уточнения в виде строки. Затем вспоминается случай, когда пришлось увидеть, как ушла в пучину морская рыба, резко взмахнув хвостом и свирепо

¹ Адучиев Ц. Про сказку о золотой рыбке // Адучиев Ц. М. На границе тревожных времен: стихи, проза. Элиста: Джангар, 2004. С. 14–15. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² Адучиев Ц. М. Вблизи рассвета. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. С. 9.

³ Адучиев Ц. Про сказку о золотой рыбке // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. Элиста, 2021. С. 8. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию (как другой вариант).

сверкнув глазами. Добрая рыба из сказки и свирепая рыба из реальности отличаются в восприятии ребенка. Тем не менее, поэт задумался: «А была ли она золотой, / или мне показалось, не знаю». Ср. во втором варианте: «А была ли она золотой, / или мне показалось, не помню». Мотив рыбной ловли присутствует в воспоминаниях поэта о сибирском детстве, когда с деревенскими ребятами летом ловил руками рыбу в мелководной речке, в основном пескарей¹. Текст стихотворения отмечен просторечием, разговорной интонацией («старик <...> заловил эту самую рыбку», «дырватые <...> обноски»), расшатанной ритмикой. Хрестоматийность пушкинского текста подчеркнута Ц. Адучиевым и тем, что помимо названия («Про сказку о золотой рыбке») нет упоминания имени автора «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833).

В рамках темы «На смерть Пушкина» укажем на непритязательные стихи Виктора Владимировича Коксадаева (г. р. 1955) «А. С. Пушкину» (2002), «Пушкин – Натали», «Воздух морозный...» (2009), в которых авторскую интенцию можно выделить как «Пушкин – страдающий» [11, с. 165] в русле традиций русской классики с 1837 года после его гибели на дуэли. В первом тексте с адресацией в названии смена местоимений «я» (Пушкин) – «мы» (современники поэта, по словам автора) завершается сожалеющей констатацией: «Забудут люди про поэтов, / И честь не будет уж в чести»². Второй текст – воображаемый диалог поэта с женой перед дуэлью, мало имеющий точек соприкосновения с дуэльным кодексом (например, «не заслону свою грудь пистолетом»), с реалиями трагического события («Не поминай меня лихом перед дуэлью»)³. Третий текст, построенный на оппозиции «жизнь – смерть», «холодно – горячо», «снег – кровь», обращен из прошлого (дуэль) к современности: «Вечным укором / будет нам / лик его бледный»⁴. Здесь личное местоимение «я» первого лица, обозначенное множественным числом, видимо, по мысли автора, должно показать сопричастность всех современников поэта и последующих поколений к метафизической ответ-

¹ Адучиев Ц. М. Вблизи рассвета. Элиста: КалМНЦ РАН, 2019. С. 34.

² Коксадаев В. А. С. Пушкину // Коксадаев В. В. Прими с улыбкой: стихи. Элиста: Джангар, 2006. С. 13.

³ Коксадаев В. Пушкин – Натали // Особенный день: стихи и рассказы молодых литераторов. Элиста: Герел, 2009. С. 290.

⁴ Там же.

ственности за его смерть (помимо вероятных виновников, о которых также немало сказано в пушкиниане всех столетий).

Эссе Татьяны Ивановны Бадаковой (г. р. 1953) «Мой Пушкин» (2024) продолжает другую традицию в пушкиниане – «прочувствованное эссе о Пушкине» (курсив автора. – Р. Х.) [11, с. 166], берущую начало с эпохи Серебряного века. Здесь «признание в личной любви» к поэту, «непременное упоминание о его роли в литературе, нередко – несколько фраз, которые показывают, что автор прочно ассоциирует поэта с Россией и, наконец, несколько слов о личном отношении. В этих произведениях явился еще один Пушкин – *родной*» (курсив автора. – Р. Х.) [11, с. 166–167]. Название, как и у эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин», «весьма интимно» [11, с. 167]. Тексту предшествует эпиграф из известного высказывания литературного критика Аполлона Григорьева: «Пушкин – наше всё». Автор сразу заявляет о Пушкине как о родном и близком человеке, сравнимом с бабушкой, например. «Пушкин приходит в жизнь человека с раннего детства, вернее, не приходит, он находится в нашей жизни, как *родной* и близкий человек, например, бабушка. Ведь ребёнок ещё не осознаёт, кто такая бабушка, откуда. Просто он знает, что она всегда рядом»¹. Почему здесь фигурирует бабушка, а не дедушка, – вероятно, здесь проекция на собственную бабушку. Помимо цитирования хрестоматийных пушкинских стихотворных строк (в том числе «любезная калмычка», «друг степей калмык») автор эссе включает собственное стихотворение (под названием «Шестое июня»), пояснив, что, «думая о Пушкине, непременно хочется признаться ему в любви и поблагодарить». Как к *родной* бабушке, так и к *родному* Пушкину дистанция минимизирована – обращение на «ты». Вначале заявлен отзвук калмыцких степей рифмам поэта: «Зазвучат наши степи ковыльные, вторя / красоте твоих рифм, достигших небес», что можно понять по-разному: как чтение пушкинских строк на калмыцкой земле (эхо восприятия), как поэтическую переключку калмыцких поэтов с русским поэтом сквозь время и пространство (диалог). В следующих двух строках табуны лошадей в своих гривах принесут столь желанную Гению вольную волю. Здесь

¹ Бадакова Т. Мой Пушкин // Бадакова Т. В краю поющих барханов. СПб.: Четыре, 2024. С. 4–8. Далее в тексте цитаты приводятся по этому изданию.

отсылка к калмыцкому пейзажу в «Путешествии в Арзрум...», контекстно возникает оппозиция «гений – несвобода», которая снимается в стихотворении подразумеваемым бессмертием его творчества. От современной «любезной калмычки» поэту даруется «улыбка нежная», с подчеркиванием того, что «взор сегодня её уже вовсе не дик», хотя в послании автор различал взор и дикую красу степнячки («Твой взор и дикая краса»), где «дикая краса» имеет коннотации естественности, природности, иной национальности. Другие ему дары потомков «друга степей», «на века воспетые», обобщаются словом «благо», в которое, вероятно, вкладывается то, что можно долго объяснять, но ведь и так всем понятно (см. эпиграф к эссе). Поэтому, на всякий случай, калмыцкий писатель прибегает к отзыву Ивана Бунина «о гении Пушкина, который был для него кумиром в творчестве и символом России». Наконец, выясняется, какие самые «мои» строки у русского поэта для автора эссе: «Мороз и солнце; день чудесный!» («Зимнее утро») [13, II, с. 157], связанные с детством, юностью, семьей, с ожиданием солнечного дня («Пора, красавица, проснись...»).

Стихотворение в авторском эссе названо «Шестое июня» с проекцией на день рождения поэта, тот же по сути текст с другим названием «Пушкину» ранее вошел в альманах «Дар духовный» (2021). Здесь в заключительных словах уже звучит: «Благодарность потомков, как ширь безбрежную, / За увековеченное – “друг степей калмык”»¹.

Диалог с Пушкиным – это «диалог с Другим, таким же, как и Я» [12, с. 239–240]. В лирике Риммы Михайловны Ханиновой (г. р. 1955) диалог с Пушкиным разворачивается по разным полюсам – согласия или несогласия с его героями и интенциями. Например, в трагедии «Моцарт и Сальери» (1839) из цикла «Маленькие трагедии» она не принимает высказывание Сальери («Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше» [13, IV, с. 287]) в своем стихотворении «Все говорят: нет правды на земле» (1994)², соглашаясь с автором трагедии, поборником правды. В то же время пересматривает свое отношение к утверждению Моцарта: «А гений и злодейство – / Две вещи несовместные» [13, IV, с. 294], – когда пишет:

¹ Бадакова Т. Пушкину // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. Элиста, 2021. С. 11.

² Ханинова Р. «Все говорят: нет правды на земле...» // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: Джангар, 1994. С. 189.

«Когда-то верилось: две вещи несовместны – / Злодейство с гением»¹. И даже заявляет: «О Пушкин был неправ!». И предлагает свою скорректированную формулу взаимоотношения гения не с талантом (случай Сальери), а с посредственностью, которая, «ликуя, правит бал. / Посредственность, которая умеет / лишь то, что гений отвергал». Второе стихотворение неслучайно входит в ее цикл «Аксиомы»².

Несколько ранних стихотворений Р. Ханиновой в диалоге с пушкинскими произведениями – размышления о калмыцкой сказке в «Капитанской дочке»: «Орел и ворон из калмыцкой сказки...» (1993)³ и «Послесловие к сказке» (2005)⁴, а также о случае и судьбе в «Пиковой даме» – «Три числа» (1993) с эпиграфом «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность» [13, V, с. 207]. Видя дилемму смысла жизни и борьбы в семантике и символике образов птиц калмыцкой сказки, современный поэт задается риторическим вопросом: «Но кто живет по мудрости указке, / Ведь вдосталь мертвечины у судьбы». Спустя двенадцать лет поэт обращается к литературным героям пушкинского произведения, вступая в диалог сначала с вороной, а затем с орлом, пытаясь в историко-функциональном аспекте раскодировать искомый текст. Ср. в раннем ханиновском стихотворении ворон, как в пушкинском тексте, в позднем стихотворении – это уже ворона, происходит как бы снижение образа этой птицы: ворон – ворона. Такая корреляция обусловлена иронической интонацией вопроса вороне: «Калмыцкая птица ворона, / зачем ты смущала орла? Как будто не зная урона, какой ты себе нанесла?». Ворона резонно отвечает, что сам орел спросил, как можно прожить столько лет: «– Я просто делилась секретом: / клевать мертвечину в обед, / не думав, признаться, при этом / свой рейтинг поднять в триста лет». Обращение к орлу исполнено сочувствия: «– Орел-брат, откуда сомненья / возникли вдруг? Прямо скажи. / Неужто воронье нам мнение / заменит свое: подсажи». Орел смущен: «– Шулмус,

¹ Ханинова Р. «Когда-то верилось: две вещи несовместны...» // День влюбленных: сб. стихов. Элиста: Джангар, 1997. С. 156. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² День влюбленных: сб. стихов. Элиста: Джангар, 1997. С. 142–157.

³ Ханинова Р. «Орел и ворон из калмыцкой сказки...» // Римма Ханинова: библиографический указатель. – Элиста, 2005. – С. 96. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

⁴ Ханинова Р. Послесловие к сказке // Римма Ханинова: библиографический указатель. Элиста, 2005. С. 95–96. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

видно, зноем попутал – / в остатке лишь тридцать годков. / Решил: “триста лет” и запутал / своих и чужих с его слов. <...> Не царское, понял я, дело – / вороне судьбу нам вверять». (Шулмус (калм.) – нечистая сила. – Р. Х.). Задавшись вопросом о смысле калмыцкой мудрости, автор заключил: «...Затейлива жизнь, как сказка, / по тексту сверяй – ни сверяй. / И коли нужна нам развязка, / поэту, как встарь, доверяй». Здесь Пушкин предстает как свой, знающий калмыцкий фольклор, близкий по мировоззрению и мироощущению.

В том же шутивно-ироническом тоне построены два других стихотворения калмыцкого поэта: «На вкус и цвет друзей, известно, нет...» (2002) и «Пушкинские тексты» (2008). В первом обыграна встреча Пушкина с калмыцким семейством в кибитке, угощение национальным чаем, который не пришелся по вкусу гостю: «И перевел дыханье лишь с трудом, / Вершины гор кавказские завидев»¹. «Пушкинские тексты» основаны на осмыслении послания «Калмычке» и «Путешествия в Арзрум...»: «Поэт был точен, / Отметил, ровно полчаса, / В уме и в сердце – девы очи, / Не первобытная краса. / Но все же он через неделю / Перебелил свой черновик, / В котором мы узнаем в деле / Бурлескный пушкинский язык, / Кокетство Пушкина с калмычкой, / Почти альбомный мадригал, / Что стал навеки нам отмычкой, / Как странник степи постигал»². Оттого: «И распирает гордость снова: / Тогда в степи на полчаса / Ты вдохновила его Слово: / О, как шутивы Небеса!..». Семьдесят шесть строк такого диалога с пушкинскими текстами созданы в ракурсе прочтения статьи М. Шапира о послании «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка [20].

Б. А. Кичикова обратила внимание на комический микросюжет дорожного «приключения» в путешествии в Арзрум, связав совестливый укор калмычки с ответом замужней Татьяны, отказавшей во взаимности Онегину [8, с. 172] (когда поэт, решив, что достоин вознаграждения за приобщение к калмыцкому питию, попросил калмычку поцеловать его, а она отказалась, просто сказав, что «[н]еожна, стыдно», для убедительности

¹ Ханинова Р. «На вкус и цвет друзей, известно, нет...» // Элистинские новости. 2002. 7 июня. С. 1. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² Ханинова Р. Пушкинские тексты // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. Элиста: Герел, 2009. С. 306. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

замахнувшись «музыкальным орудием»). Вероятно, здесь можно говорить о Пушкине *изривом* [11, с. 172]. (Ср.: из письма жене: «...с калмычками не кокетничаю...»; «калмыцкие нежности»).

Рецепция пушкинского «Пророка» присутствует в ханиновской «Балладе о родном языке» (2021), в которой диалог лирической героини с ночным гостем – шестикрылым серафимом – размышления о роли поэта в современном мире, о проблеме незнания родного языка: «– Вырвать тебе бы твой грешный язык, / Тот, что не знает теперь здесь калмык, – / Мне пригрозил мой загадочный гость, / Будто засунул мне в горло всю кость»¹. Написанное в канун Международного дня языков стихотворение калмыцкого русскоязычного поэта поднимает проблему исчезновения и сохранения языков народов мира. Грани между сновидением и явью возникают в заключительных строках: «...Утром перо на пороге нашла. / Выпало, верно, оно из крыла...»

Обсуждение и выводы

Локальное, точечное, эпизодическое обращение современных калмыцких русскоязычных поэтов свидетельствует о периферийном положении Пушкина в их творчестве, в основном он – *другой*, в редких случаях – *свой, родной* (Бадакова, Ханинова). Такая временная и пространственная дистанция у многих указанных авторов не умаляет для них истинного значения того, кто является «нашим всем», но и не демонстрирует его востребованность в той или иной степени, как у калмыцких поэтов старших поколений со своей пушкинианой на родном языке. Кроме того, в отличие от калмыцких поэтов старших поколений, современные калмыцкие русскоязычные поэты не занимаются переводами произведений Пушкина на калмыцкий язык, как не создают на родном языке и свои тексты. В то же время среди профессиональных современных калмыцких русскоязычных поэтов нет молодых авторов, поэтому нельзя говорить о преемственности пушкинианы в этом плане. Участие поэтов в ежегодных региональных пушкинских праздниках ограничивается обычно чтением пушкинских текстов или собственных на искомую тему, написанных ранее.

¹ Ханинова Р. Баллада о родном языке // Литературная газета. 2021. 20 октября. С. 22. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

Юбилейные даты также, судя по всему, не особенно влияют на появление новых произведений на пушкинскую тему.

Пушкин *страдающий*, Пушкин *изривый*, Пушкин *талантливый*, Пушкин-сказочник, Пушкин-этнограф, Пушкин-философ, Пушкин-историк, Пушкин-памятник – таковы некоторые грани представления русского гения в восприятии современной калмыцкой русскоязычной лирики.

Список литературы

1. Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов в 2 т. / Ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – Т. 1. – 424 с.
2. Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов в 2 т. / Ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмова. – М.: Ганга, 2021. – Т. II. – 512 с.
3. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл. – 2001. – № 8. – С. 41–80.
4. Кичикова Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник КИГИ РАН. – 2009. – № 1. – С. 43–51.
5. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 3. – С. 163–168.
6. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть II) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 163–168.
7. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 2. – С. 166–173.
8. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 3. – С. 169–173.
9. Кичикова Б. А. «Путевые записки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (Из материалов к комментарию) // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 4. – С. 171–178.
10. Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 1. – С. 111–115.
11. Колюкова М. Л. Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора // Art Logos. – 2025. – № 1 (30). – С. 164–175.
12. Минх Р. Свой vs иной/другой/чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 233–245.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Правда, 1981.
14. Серикова Л. А. Парадигма «свой – чужой – другой»: теория и практика // Вестник КазНПУ им. Абая. – 2024. – № 3 (89). – С. 51–58.
15. Суржок А. И. Пушкин и калмыки. – 3-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 174 с.
16. Ханинова Р. «Мне ум и сердце занимали твой взор и дикая краса...»: традиция послания калмычке в русской поэзии // Известия Калмыкии. – 2009. – 6 июня. – С. 6.
17. Ханинова Р. О Пушкине и его «Калмычке» // Хальмг үнн. – 2009. – 6 июня. – С. 4.
18. Ханинова Р. Пушкин на все времена // Хальмг үнн = Калмыцкая правда. – 2020. – 6 июня. – Х. 10.
19. Церенов В. З. Счастливый дар. «Калмыцкие нежности» А. С. Пушкина. – Элиста: Джангар, 2012. – 128 с.

20. Шапир М. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 209–217.

Rimma Khaninova

“One’s Own” – “The Other”: Pushkin’s Theme in Modern Kalmyk Russian-language Lyrics

The author of the article examines the Pushkin theme in modern Kalmyk Russian-language lyrics in the aspect of “one’s own” – “the other”. For Kalmyk poets, A. S. Pushkin’s perception as “one’s own”, a native, a close person and as a genius is primarily due to the poet’s sympathetic attitude towards Kalmyks, reflected in his work of different years, in his formulas “friend of the Kalmyk steppes”, “kind Kalmyk woman”. Poems dedicated to Pushkin, journalism, memoirs, and translation are typical of poets of the older generations. In modern Kalmyk Russian-language lyrics, the Pushkin theme is presented much narrower than in Kalmyk lyrics. In our opinion, the paradigm of “one’s own” in relation to the classic of Russian literature has shifted towards the “other” paradigm. The frequency of works addressed to A. S. Pushkin has decreased, the locality of their subject matter is focused on reading certain textbook Pushkin texts, selected pages of his biography. Pushkin the suffering, Pushkin the native, Pushkin the talented, Pushkin the playful – some facets of this image are in the response poems and essays of modern Kalmyk poets.

Key words: Pushkin, Kalmyk Pushkiniana, “friend of the Kalmyk steppes”, “kind Kalmyk woman”.

For citation: Khaninova, R. M. (2025) «Svoj» – «drugoj»: pushkinskaya tema v sovremennoj kalmyckoj russkoyazychnoj lirike [“One’s Own” – “The Other”: Pushkin’s Theme in Modern Kalmyk Russian-language Lyrics]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 80–95. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_80. EDN: TBYIKI

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation, project No. 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283>.

References

- Stepanov, A. G., Artemova, S. Y. (2019) (eds.) *Drugoj v literature i kul'ture* [The other in literature and culture]. Collection of scientific papers in 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Vol. 1. (In Russian).
- Stepanov, A. G., Artemova, S. Y. (2021) (eds.) *Drugoj v literature i kul'ture* [The other in literature and culture]. Collection of scientific papers in 2 vols. Vol. II. Moscow: Ganga Publ. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2001) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (Istoriko-literaturnyj kommentarij k kompleksu tekstov A. S. Pushkina nachala 1820-x gg.) [“Wish me good health, Kalmyk!” (Historical and literary commentary on the complex of texts by A. S. Pushkin in the early 1820s)]. *Teegin gerl – Light in the Steppe*. No. 8. Pp. 41–80. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2009) Kalmy'ki v mire Pushkina [Kalmyks in Pushkin’s World]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 1. Pp. 43–51. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2014) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (voprosy tekstologii, materialy k kommentariyu: Chast' I) [“Wish me good health, Kalmy'k!” (Questions of textual criticism, materials for commentary: Part I)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 3. Pp. 163–168. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2014) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (voprosy tekstologii, materialy k kommentariyu: Chast' II) [“Wish me good health, Kalmyk!” (Questions of textual criticism, materials for commentary: Part II)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 4. Pp. 163–168. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmy'chke» kak istoriko-literaturnaya problema [Pushkin’s Epistle to the “Kalmyk Woman” as a historical and literary problem]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 2. Pp. 166–173. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) [A. S. Pushkin’s Message to “Kalmychka”: aspects of genre originality]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 3. Pp. 169–173. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) «Putevye zapiski» A. S. Pushkina: e'pizod v kalmy'czkoj kibitke (Iz materialov k kommentariyu) [“Travel notes” by A. S. Pushkin: an episode in a Kalmyk caravan (From materials for the commentary)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 4. Pp. 171–178. (In Russian).

10. Kichikova, B. A. (2015) «Ty ne lepechesh po-francuzski...» (poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke»: iz materialov k kommentariyu) ["You don't babble in French..."] (A. S. Pushkin's message to "Kalmychka": from the materials for the commentary). *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 1. Pp. 111–115. (In Russian).

11. Konyukova, M. L. (2025) *Obraz Pushkina v russkoj literature i zhurnalistike kak pokazatel' nastrenej v obshchestve i lichnyh kachestv avtora* [The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 164–175. (In Russian).

12. Minkh, R. *Svoj vs inoj / drugoj / chuzhoj v idejno-e'stetcheskoj paradigme modernizma* (2021) [Own vs other / other / alien in the ideological and aesthetic paradigm of modernism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nau* [Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2: Humanities]. Vol. 23. No. 2. Pp. 233–245. (In Russian).

13. Pushkin, A. S. (1981) *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [A. S. Pushkin. Collected Works: in 10 vols.]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

14. Serikova, L. *Paradigma «svoj – chuzhoj – drugoj»: teoriya i praktika* (2024) [A. The “friend– foe– other” paradigm: theory and practice]. *Vestnik KazNPU im. Abaya – Bulletin of KazNPU named after the Abaya*. No. 3 (89). Pp. 51–58. (In Russian).

15. Surzhok, A. I. (1991) *Pushkin i kalmy'ki* [Pushkin and Kalmyk]. 3-e izd., ispr. i dop. Elista: Kalm. kn. izd-vo. (In Russian).

16. Khaninova, R. (2009) «Mne um i serdce zanimali tvoj vzor i dikaya krasa...»: tradiciya poslaniya kalmy'chke v russkoj poe'zii ["Your gaze and wild beauty occupied my mind and heart...": the tradition of the message to the Kalmyk woman in Russian poetry]. *Izvestiya Kalmykia – News of Kalmykia*. June 6. P. 6. (In Russian).

17. Khaninova, R. (2009) *O Pushkine i ego «Kalmy'chke»* [About Pushkin and his “Kalmyk's woman”]. *Kalmykaya pravda – Kalmyk Truth*. June 6. P. 4. (In Russian).

18. Khaninova, R. (2020) *Pushkin na vse vremena* [Pushkin for all time]. *Kalmykaya pravda – Kalmyk Truth*. June 6. P. 10. (In Russian).

19. Tserenov, V. Z. (2012) *Schastlivyj dar. «Kalmy'czkie nezhnosti» A. S. Pushkina* [A happy gift. “Kalmyk tenderness” by A. S. Pushkin]. Elista: Dzhangar Publ. (In Russian).

20. Shapir, M. (2009) *O nerovnostiavnogo: Poslanie Pushkina «Kalmy'chke» na fone makroevolyucii russkogo poe'ticheskogo yazy'ka* [On the unevenness of Equality: Pushkin's Message to the “Kalmyk Woman” against the background of the macroevolution of the Russian poetic language]. Shapir M. I. *Stat' o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazy'ki slavyanskix kul'tur Publ. Pp. 209–217. (In Russian).

Об авторе

Ханинова Римма Михайловна, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, доктор филологических наук, доцент (г. Элиста, Российская Федерация); e-mail: khaninova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

About the Author

Rimma Khaninova, Leading Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Doctor of Philology, Associate Professor (Elista, Russian Federation); e-mail: khaninova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

дата получения: 07.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 07 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025